

Лето у моря

Посвящаю моему кузену

Немного от автора

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора,
Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Марина Цветаева

Не пытайтесь отыскать в этой повести имена ее главных героев: их здесь нет. Я это сделала умышленно. Никаких имен, никаких фамилий. Да и место действия я перенесла в далекую солнечную Италию. Почему? Просто уже предвижу изумление некоторых, кто прочтет мою рукопись. Так стоит ли шокировать их еще больше, называя здесь какие-либо конкретные имена? Думаю, нет. Не нужно обнажать истину там, где давно уже все свершилось. И, согласитесь, очень удобно писать просто «он» и «она». Кто знает, что скрывается за этими местоимениями? Мне же достаточно того, что это знаю я и один из моих многочисленных кузенов.

Да, он — мой кузен, он вполне реален и существует в этой действительности. И, насколько мне известно, сейчас жив, здоров и, надеюсь, счастлив. Когда я, повинясь какому-то странному порыву, сообщила ему, что пишу книгу о нем, он был не очень-то доволен. «Зачем тебе это?» — написал мне мой кузен, и я живо представила, как он при этом хмурит свои густые брови и даже прикусывает нижнюю губу: а вдруг я сошла с ума и решила поведать всему миру то, что имело место быть в нашей, увы, такой далекой юности? Тем более что я не сказала, что не собираюсь называть имен в своей книге. Оставив кузена в некотором замешательстве, я не стала успокаивать его тем, что для несведущих моя повесть так и останется романтической историей о не совсем обычной любви. Я уверена, его опасения мгновенно улетучатся, лишь только он прочтет мою книгу. А прочитав ее, наверное, почувствует облегчение от того, что герои безлики. Также уверена я и в том, что многое из прочитанного моему кузену явно не понравится. Что ж, пусть так. Да, мой герой не вызывает положительных эмоций. Признаюсь честно: мне он даже неприятен, и я с глубоким отвращением описывала все его так называемые душевные терзания, поскольку мне чужд ход его мыслей и неприемлемы его поступки. Но не стоит тут проводить каких бы то ни было аналогий. Мой реальный кузен никогда не поступил бы так же.

Или я все-таки ошибаюсь? Нет, вряд ли, и доказательство тому есть, доказательство неопровержимое: я жива, здорова и тоже вполне счастлива.

Так пускай гадают мои дорогие читатели, что же здесь правда, а что — художественный вымысел. В конце концов, я, как автор, имею право на неограниченный полет писательской фантазии. И если я и приукрасила некоторые реальные факты своей жизни — это мое личное дело. А что из написанного мной было в действительности, известно только мне. Вернее, мне и моему кузену. Нам с ним и более никому...

Интересно, узнает ли мой драгоценный кузен некоторые свои фразы, которые я вложила в уста моему герою? Тешу себя надеждой, что узнает. Не зря же я пронесла их сквозь годы, навсегда сохранив в памяти. Да, я в большом долгу перед своей юностью: она подарила мне возможность испытать прекрасное чувство, о котором я не могу не писать. Я счастлива, поверьте, ведь некоторые, прожив целую жизнь, так и не познают его. Как же я рада, что не отношусь к ним!

А чтобы окончательно развеять все сомнения и ненужные вопросы, спешу заверить своего незабвенного кузена в том, что моя повесть — это отнюдь не претензия на что-то. Упаси Боже! Я лишь хочу сказать о том, что любовь бывает разной, и люди, испытывающие это чувство, испытывают его тоже по-разному. Одни — как мой герой, другие — как я и моя героиня. Недаром же сказал великий:

*«Один не разберет, чем пахнут розы,
Другой из горьких трав добудет мед,
Кому-то мелочь дашь — навек запомнит,
Кому-то жизнь отдашь, а он и не поймет...»*

Глава первая

В июле ему исполнился двадцать один год. Практически сдав летнюю сессию, то есть завалив всего лишь два экзамена, в Римском университете, где он учился на медицинском факультете, вместе с отцом он приехал из Рима в снятый на целое лето коттедж на побережье Тирренского моря, близ Неаполя. Через пару дней к ним присоединилась Бланш, вторая жена отца, оформившая отпуск в художественной галерее Боргезе, где она работала реставратором, и решившая посвятить себя супругу и новоиспеченному пасынку, отношения с которым у них были уже достаточно теплыми, но еще не совсем родственными, к чему все и стремились.

После смерти матери прошло уже пять лет, и отец вполне мог себе позволить начать жизнь заново. Он, как сын и уже мужчина, не возражал, спокойно восприняв женитьбу отца на Бланш как точку отсчета в начале их новой жизни. Первое время отец, однако, немного смущался, находясь одновременно с сыном и достаточно молодой женой (Бланш исполнилось всего-то тридцать два) в одном пространстве. Но потом неловкость, испытываемая всеми, прошла, и они смогли за относительно короткий срок наладить свой маленький семейный мир, зажив вполне дружно и, как он надеялся, счастливо в их римской квартирке на Виа Витторио-Венето.

Ему Бланш нравилась, по крайней мере, устраивала как мачеха. Во-первых, она действительно любила отца, и это было искренне, а во-вторых, никогда не лезла в душу, не донимала нравоучениями и не стремилась стать для него мамочкой. Француженка по происхождению, утонченная, великолепно разбирающаяся в искусстве, она всю свою жизнь провела в Париже, до свадьбы работая в музее Де Орсе. Там ее и встретил отец, довольно известный искусствовед, профессор, историк искусства, член диссертационного совета Римского уни-

верситета и Римской ассоциации искусствоведов. Встретив Бланш, этот солидный, титулованный и уважаемый в широких кругах человек потерял голову от любви как мальчишка; он уговорил Бланш переехать в Италию, где они скоропалительно поженились, будучи знакомыми всего два с половиной месяца. Он же и устроил свою молодую жену в галерею Боргезе, куратором которой тогда являлся. В общем, как это говорится, отец и Бланш нашли друг друга: несмотря на ощутимую разницу в возрасте (отцу стукнуло сорок девять лет), они отлично гармонировали, говорили на одном языке, оба были помешаны на искусстве, оба были веселы, умны, красивы. Он искренне считал, что отец и Бланш — идеальная пара...

Отец снял для них коттедж на все «время подготовки к передаче экзаменов» — так он заменил название тех чудесных летних месяцев, именуемых для успешных студентов сладким словом каникулы.

Коттедж был полностью спрятан от дороги, ведущей в ближайший поселок, небольшой ореховой рощей. К их собственному песчаному пляжу вела лестница, как будто самой природой вырезанная прямо в скале, на которой и стоял коттедж; лестница заканчивалась небольшой бухтой, окруженной со всех сторон скалами, среди которых разливалось, шумело и пенилось Тирренское море.

Самые первые недели были безмятежными и потому великолепными. Они часами лежали на песке, загорали, болтали обо всем и ни о чем, смеялись, строили планы на будущее; потом отец с непременно суровым видом строго напоминал ему о необходимости засесть за учебники, и вместе с Бланш они «прогоняли» его с пляжа заниматься. Поворчав для приличия, он уходил в дом, где действительно час, а то и полтора уделял несданным предметам, после чего, «отбыв наказание», возвращался к морю. Отец и Бланш или дожидались его, или уезжали в поселок, предоставляя ему время до ужина — побыть наедине с собой.

Оставшийся на пляже один, он сразу же бросался в море, в чистую прохладную воду, окунался в нее с головой, стараясь смыть с себя и неудачу на экзаменах, и всю суету Рима. Потом, растянувшись на берегу, он закрывал глаза и с блаженством думал: как же хорошо просто валяться на горячем песке и ни о чем не беспокоиться, как здорово быть молодым, когда тебе всего двадцать один, когда твое сердце еще не ранено ничьим отказом, когда ты, по сути, еще не попробовал на вкус то сильное и почему-то пугающее чувство, о котором уже говорили некоторые его однокурсники (правда, в основном девушки). Чувство, называемое ими любовью. Что есть любовь и к чему она, когда тебе всего двадцать один? Все пустяки...

Коттедж был трехэтажный, весь из белого кирпича, с большой столовой внизу и застекленной террасой. Вокруг коттеджа был разбит маленький сад из ореховых и апельсиновых деревьев, с ухоженными клумбами белых роз и усыпанными гравием дорожками. Терраса выходила прямо в сад, а оттуда, через каменные ступени, на широкую площадку с видом на бухту. Рядом со столовой, на первом этаже, находилась аккуратная кухонька, в которой любила похозяйничать Бланш, не доверявшая приходящим домработницам готовку ни в Риме, ни здесь. Наверх вела деревянная лестница с резными перилами, на втором этаже была спальня отца и Бланш и комната для гостей. Он поселился на третьем, где находилась даже не комната, а мансарда, не большая, но довольно уютная. Да и весь коттедж, несмотря на три этажа, был будто кукольным, миниатюрным с виду.

Долгими холодными месяцами в Риме они все вместе мечтали о лете, о маленьком коттедже на берегу и о море. И вот они здесь. Вечера стояли довольно теплые, поэтому ужинали на террасе. А он часто думал о том, как здесь спокойно, нет ни машин, ни пыльных римских улиц, а только море, море и солнце.

Так прошли две недели. В тот вечер он совершил, наконец, поход в ореховую рощу за мысом и вернулся поздно, к ужину,

когда отец и Бланш уже сидели на террасе. Кивнув, он опустился в свое кресло, совершенно разбитый. Небо было усеяно звездами, и они мерцали, словно россыпи драгоценных камней. Пахло розами и апельсинами: и тех, и других вокруг было в избытке.

Он не спеша ел и лениво думал о том, что сегодня ни разу не открыл учебники, и прикидывал, стоит ли об этом сообщать отцу, ведь между ними давно был заключен договор Мужской Чести и Честности.

Неожиданно отец нарочито шумно вздохнул и отодвинул от себя тарелку, явно желая привлечь к себе внимание.

— Что случилось, милый? — Бланш первой поддалась на отцовскую уловку.

— Не знаю, как вы оба к этому относитесь... — отец сделал паузу, с серьезным выражением лица посмотрел на Бланш и опять тяжело вздохнул.

Он же в душе посмеивался, прекрасно зная любовь отца к подобным эффектным выпадам: примерно с таким же серьезным видом незадолго до женитьбы отец сообщил, что «ему недолго осталось...», выждал театральную паузу и, глядя в широко открытые от ужаса глаза сына, быстро добавил: «...вести холостяцкий образ жизни». Ну что с ним делать! Иногда отец вел себя как мальчишка.

— Немедленно говори, в чем дело! — требовательно сказала Бланш, постукивая вилкой по столу. — И если ты опять за свои шуточки...

Тут он не выдержал и расхохотался, заметив, как отец пытается спрятать улыбку, и радуясь, что Бланш смогла раскусить его. Отец показал ему кулак:

— Погоди у меня, хохотун! Не мог сдержаться, что ли?

— Отец, по-моему, ты теряешь квалификацию, — продолжал смеяться он. — Даже Бланш тебе не поверила!

— Черт возьми, неужели правда? — отец хитро улыбнулся, подливая в бокал Бланш вина. — Может, это старость?

— Скорее дурасть, — отрезала Бланш. — Когда ты уже прекратишь это ребячество? И скажи, наконец, что хотел, только по-человечески, без твоих леденящих душу вздохов и эффектных пауз!

— Все, сдаюсь! — отец поднял вверх руки. — Слушайте и повинуйтесь, дорогие мои: к нам, кажется, скоро приедут гости, — немного смущенно закончил он.

Бланш удивленно приподняла бровь:

— Что значит «кажется», милый? Ты опять?

— Ни в коем случае! — воскликнул отец. — Я вполне серьезно.

— И кто же? — недовольно спросил он. — Кто собирается посягнуть на наше уединение? И как я смогу готовиться к передаче в такой обстановке, когда по дому будут расхаживать толпы гостей?

— А по-моему, ты особенно себя не утруждаешь, — хмыкнул отец, — вот чем ты, скажи-ка на милость, занимался сегодня?

— Так кто к нам приедет, Родольфо? — Бланш спасла его от необходимости ответить честно на вопрос отца, при этом заговорщически подмигнув своему пасынку.

— Твоя кузина, — отец кивнул в его сторону. — Я сам пригласил ее погостить у нас, когда кончатся занятия, и она согласилась.

— И зачем ты это сделал? — он чуть не плакал. — И почему она согласилась?

— Ну не знаю, возможно, она соскучилась по своему старому дядюшке. Не стоит так драматизировать, уверен, вы поладите. Но если ты хочешь, то можешь вернуться в Рим.

Он содрогнулся от одной этой мысли.

— Нет, пожалуй, мне лучше остаться, пусть даже к нам приедут все наши родственники!

Отец тихо рассмеялся:

— Я знал, что ты именно так и ответишь!

Тем не менее ужин был испорчен. Он пожелал отцу и Бланш спокойной ночи и вошел в дом. Поднимаясь к себе по

лестнице, он вдруг подумал, что даже не спросил у отца, какая именно из его многочисленных кузин вдруг соскучилась по дядюшке. Но тут же решил, что это совершенно неважно: ведь у него есть прекрасный предлог, чтобы избежать общения со всеми кузинами и кузенами мира — переэкзаменовка! И с этой радужной мыслью он уснул.

Глава вторая

Кузина (отец все же пояснил, какая именно) должна была приехать из Неаполя через два дня. Солнце палило все так же нещадно, море по-прежнему оставалось ласковым и теплым, отец и Бланш пребывали в приподнятом настроении, а он с тоской ждал момента, когда в их мире появится новый человек.

Время пролетело мгновенно, и вот этот день настал. Отец и Бланш решили ехать встречать кузину на вокзал, куда она должна была прибыть вечерним поездом. Он же категорически отказался участвовать в этом мероприятии. Немного поворчав по поводу его негостеприимности, отец и Бланш уехали.

Он спустился к морю, искупался и лег на песок. Вечерело. Солнце постепенно превратилось в большой красный шар, который медленно прятался куда-то за море. Жара исчезла, наступила нежная вечерняя прохлада. Он закрыл глаза и, по всей вероятности, уснул.

Разбудил его громкий автомобильный гудок. Недоумевая, в чем дело, он поднялся на ноги и пошел к дому. У калитки стояла машина, но это были не отец и Бланш. Некоторое время он стоял, разглядывая чужую машину, а потом резко обернулся, услышав чьи-то шаги. Обернулся и замер. Навстречу ему от входа в их коттедж шла незнакомая девушка. Совсем юная, лет семнадцати на вид. Длинные, ниже талии, блестящие черные волосы, стройная фигурка, облаченная в обтяги-

вающие голубые джинсы и белую рубашку, завязанную узлом под восхитительной высокой грудью, и огромные, умопомрачительные карие глаза. Он почувствовал, как его бросило в жар. В женских прелестях он прекрасно разбирался! Незнакомка была не просто хороша, она сразу вызвала в нем такое сильное желание, что ему даже стало не по себе. Неужели он настолько отвык от женского общества? Одичал за пару-то недель?

В руке у красотки была дорожная сумка. Увидев его, девушка бросила ее на землю и нерешительно спросила:

— Я, верно, не туда попала?

Он пожал плечами, все еще остолбенело глядя на нее. Девушка нахмурилась:

— Здесь что-то не так. Хотя постойте! Неужели это вы... — внезапно ее красивое лицо как будто изнутри озарилось светом. Он никогда такого раньше не видел, поэтому, как замороженный, молчал и продолжал смотреть на нее. — Ну да, конечно, это точно вы, мой кузен, — и она назвала его имя, — здравствуйте! Боже мой, да вас не узнать! А где дядя?

Тут он сообразил, что перед ним стоит кузина. Однако, к его удивлению, волна возбуждения, нахлынувшая на него, никуда не делась. Он сделал усилие над собой, улыбнулся гостье, поздоровался и взял ее сумку.

— А вы, наверное, прямиком из Неаполя?

— О да. Там ужасно: эта жара, улицы... А здесь просто рай! Так где же дядя?

— Они поехали встречать вас на вокзал.

— Вот как? Мы, значит, разминулись: в последний момент я сдала билеты на поезд и решила ехать на своей машине. Но почему вы говорите «они»?

— Отец и Бланш, — сказал он и тут же понял, что она, быть может, и не знает о женитьбе дяди, ведь на свадьбе родственников не было. — Бланш — вторая жена отца.

— А... — она смутилась и замолчала.

— Я покажу вашу комнату, — сказал он, прервав неловкую паузу, и они вошли дом.

Только он успел поставить сумку на пол в комнате для гостей, как раздался шум подъехавшей машины. Извинившись перед кухней, он поспешил вниз. Из машины вышли отец и Бланш.

— Знаешь, она почему-то не приехала, — немного растерянно сказал отец, поднимаясь в дом.

— Как раз наоборот, — засмеялся он. — Она в своей комнате разбирает вещи.

— В самом деле? — радостно воскликнул отец, и в этот момент на лестнице появилась кузина в коротеньком халатике. На плече у нее висело пляжное полотенце.

— Здравствуй, дядя, — улыбнулась она, — как я рада тебя видеть!

— Дорогая моя! Как ты выросла! Я бы ни за что не узнал тебя на вокзале! — отец обнял кузину, а она поцеловала его в щеку. — А я полтора часа простоял на станции, уже решил, что ты передумала или я что-то напутал.

— Прости, дядя, я не успела предупредить тебя. Просила папу, но он, наверное, не смог сюда дозвониться...

— Слава Богу, что ты все-таки приехала! — отец был доволен. — А брату я сейчас сам позвоню.

— Вы как раз вовремя, — вмешалась Бланш, стоявшая неподалеку, — мы сейчас будем ужинать.

— Дорогая моя, это Бланш.

— Да, я знаю. Мне в самом деле очень приятно, — и кузина пожала ей руку.

Бланш улыбнулась:

— Надеюсь, мы подружимся.

— Уверена в этом, — вежливо ответила кузина. — А теперь извините меня, я хотела бы искупаться. Не могли бы вы начать ужинать без меня?

— Но ведь уже почти стемнело, — удивился отец, — и похолодало: ты можешь простудиться!

— Я всю дорогу мечтала о море, дядя, не могу я ждать утра! — она торопливо сбегала со ступенек и направилась к бухте.

— Не узнаю ее! — воскликнул отец. — Совсем взрослая... Что же ты стоишь? Покажи кухне пляж.

Он что-то пробормотал в ответ и не спеша пошел к морю. Еще издали он заметил кузину, уже выходящую из воды, и помахал ей рукой.

— Вода очень теплая, — она села на песок и обхватила себя руками. — Почему бы и вам не окунуться?

— Отличная мысль! — рассмеялся он. — Только не уходите без меня, ладно?

Она кивнула. Он вошел в море и стал быстро отплывать от берега, пытаясь понять, что это такое с ним происходит. Все было не так, как представлялось ему накануне, кузина оказалась совсем не такой. Но спроси его тогда, а какая она? — он вряд ли сумел бы ответить. Что-то необычное возникло у него внутри, какое-то неведомое ему до этого чувство: сладко шещащее и вместе с тем тревожное. Отплывая от берега, он силился вспомнить кузину в детстве, но память с трудом подсунула ему лишь образ девочки с косичками, постоянно что-то читавшей и мало с кем общавшейся. А сейчас он как будто бы просто познакомился с удивительной девушкой, совершенно не похожей на его знакомых — сверстниц, однокурсниц. Но спроси его тогда, чем же она так от них отличается? — он вряд ли сумел бы ответить. Единственное, что не давало ему покоя — это странное возбуждение, охватившее его. Ведь это не совсем нормально: испытывать подобное к двоюродной сестре, не так ли? На одно короткое мгновение ему вдруг стало страшно. Пытаясь прогнать этот беспокойный страх, не понимая его причины, он развернулся и быстро поплыл к берегу. Кузина ждала его сидя на песке.

— Смотрите, что я нашла, — она протянула ему камень, — видите? Он с дырочкой. Говорят, это приносит счастье.

Взяв камень, он с минуту разглядывал его. Камень был белый, необычной формы, напоминающей сердце, и почему-то теплый на ощупь.

— Оставьте его себе, — с серьезным видом предложила кузина. — А потом расскажете, принес он счастье или все это выдумки.

— А вы? Не хотите сами проверить? Или вы уже счастливы?

— Я? — она нахмурилась. — До этого момента мне казалось, что счастлива, а теперь...

Тут она засмеялась и вскочила на ноги:

— В конце концов, кто может точно сказать, что такое счастье? Пойдемте ужинать, нас ждут!

И они пошли к коттеджу. Поднимаясь по лестнице, он все еще сжимал камень в руке....

Так странно, но он до сих пор хранит его, хотя всю жизнь довольно часто терял всякие безделушки и мелочи, начиная от брелоков и заканчивая ключами от квартиры и от машин. И теперь, спустя много лет, холодными зимними вечерами он смотрит на этот камень, который должен был принести ему счастье. Он вертит его в руке — белый, похожий на сердце, по-прежнему удивительно теплый — и чувствует, как все внутри привычно и медленно заполняется болью, той самой мучительной болью, которая, переполнив, всегда выплескивается наружу. И тогда он кричит, пытаясь заглушить эту самую боль, раздирающую его на куски, кричит громко, срывая голос.

Наверное, это не по-мужски.

Глава третья

Утром его разбудил солнечный луч, скользнувший из окна прямо на лицо. Проснувшись окончательно, он вдруг понял, что

улыбаются. В прекрасном настроении, насвистывая, он стал спускаться вниз, еще на лестнице слыша веселый голосок кузины, рассказывавшей что-то отцу и Бланш.

— Доброе утро! — сказал он, входя в столовую.

— Привет, лежебока! — весело ответил отец. Кузина и Бланш улыбнулись. — Как спалось?

— Замечательно, — он сел за стол, налил себе кофе и посмотрел на кузину. — А вам?

— О, я как в раю, — ответила она., — Готова остаться здесь на ближайшие лет пятьдесят!

— Эй, я что-то не понял! — отец удивленно посмотрел на них обоих. — Что за церемонии вы тут развели? Почему выкаете друг другу?

— Ну... — она заметно смутилась. — Я не знаю...

— А я знаю, — отец был настроен решительно. — Перестаньте немедленно! В конце концов, вы двоюродные брат и сестра!

— Действительно, — пробормотал он. — Как-то по-дурачки получается. Давай на ты?

— Давай! — со смехом сказала она. — Ну что, кузен, ты уже позавтракал?

— Да, кузина.

— Тогда пойдем прогуляемся, покажешь мне берег и все такое.

— Идет, — кивнул он, и они поднялись из-за стола.

— Эй, молодежь! Не забывай, что у тебя переэкзаменовка! — крикнул им вдогонку отец.

— С тобой забудешь, — проворчал он в ответ, и вместе с кузиной спустился на пляж.

— Завалил сессию? — сочувственно спросила она.

— Да не то что бы завалил, — с досадой ответил он. — Всего два хвоста, ничего страшного. Пересдам осенью.

— Ты учишься на медицинском?

— Да, заканчиваю, остался последний год. Очень скоро буду лечить людей. Вернее, их части: я дантист.

— Здорово! — рассмеялась она. — А я перешла на второй курс юридического: собираюсь стать знаменитым адвокатом!

— У наших профессий много общего, — серьезно заявил он, присаживаясь на песок. — И врач, и юрист держат в руках человеческие жизни, не находишь? Или я слишком пафосно это сказал?

— Нет,нисколько, я с тобой полностью согласна... Может, поплаваем?

— Хорошо. — Он разделся и первым вбежал в море. — Ты скоро?

— Иду! — она сбросила платье и осталась в маленьком красном бикини, от вида которого у него почему-то перехватило дыхание. Стараясь не смотреть на нее, он быстро поплыл от берега. Кузина, однако, вскоре догнала его.

— Эй, кузен! По-моему, невежливо бросить меня одну в пучине волн! Или боишься, что перегоню?

— Ты? Меня? — шутиливо удивился он. — Давай попробуй!

Они плыли долго, но он так и не смог обогнать ее.

— А ты здорово плаваешь! — сказал он, когда они вышли на берег.

— Да и ты ничего, — ответила она, опускаясь на песок. — Расскажи мне еще что-нибудь!

— Что же рассказать? — он задумался.

— Встречаешься с кем-нибудь?

— Не могу сказать, что встречаюсь, — неопределенно ответил он. — Ничего серьезного. Мне кажется, что мое время любви еще впереди.

— А пока что, тренируешься? — улыбнулась кузина.

— Ну да, что-то вроде... А у тебя как с этим?

— А у меня все серьезно, — кузина села на песке и выпрямила спину. — Я уверена, что мое время любви уже пришло!

— Да? И как зовут этого счастливчика? — он внимательно взглянул на нее, еще не понимая, шутит она или нет. — Знакомишь?

Она строго посмотрела ему прямо в глаза:

— Никогда не шути над этим. Сердце человека — самый ранимый орган! Ты, как врач, должен это знать лучше меня. Сейчас приду.

Она встала и направилась к дому.

— Так есть у тебя кто-нибудь? — крикнул он ей вслед.

Она обернулась и погрозила ему пальцем:

— Ты очень любопытный! Это как-то не по-мужски.

Пока кухни не было, он растянулся на горячем песке и лежал, глядя на облака, плывущие по небу. Так же в его голове плыли неторопливые мысли о ней. С удивлением он подумал, что ему просто необходимо знать, есть ли у кухни друг. А если окажется, что есть? Эта мысль вдруг показалась ему очень неприятной, непонятно только было, почему. Какая ему, в сущности, разница: есть ли ухажер у его сестренки или нет? «У сестренки, у моей сестренки» — бормотал он про себя...

— Алло! Не спишь? — кухня легла рядом. — Смотри, какие волны поднялись!

Он посмотрел на море и увидел, что штиль действительно исчез, и большие волны с шипением обрушивались на берег.

— Видимо, купание на сегодня уже отменяется, — огорченно сказала кухня. — Или рискнем?

— А давай рискнем! — он вскочил на ноги. — Только далеко не заплываем, держимся вместе!

Они взялись за руки и, смеясь, вбежали в разбушевавшееся море. Проплыть, правда, не получалось: волны швыряли их друг на друга, накрывая с головой. Они хохотали, отплеываясь от соленой воды, и дурачились, как дети.

Когда они выходили на берег, большая волна, подкравшись сзади, чуть не свалила кухню с ног, и он обхватил ее за талию, чтобы поддержать, на миг инстинктивно прижав к себе. Это невинное прикосновение обожгло его, но он не смог заставить себя убрать руки. Она обернулась к нему, и их взгляды встретились. Не говоря ни слова, он притянул ее

к себе, сжал в объятиях, не отдавая отчет в том, что делает. Она робко подняла руки и обняла его за плечи. Он чувствовал ее прерывистое дыхание, опаляющее его грудь, на которой она спрятала свое лицо. Он закрыл глаза и подумал, что если вдруг она сейчас поднимет голову, то их губы непременно встретятся. Пальцы сами стали ласкать мокрую спину, и ее тело задрожало от его прикосновений. Ее кожа жгла, хотя они только что вышли из воды. Он не знал, сколько это длилось, не понимал, что с ним происходит, но она не отстранялась, не пыталась вырваться из его объятий, прижимаясь сама к нему все сильнее и сильнее. Они так и стояли, прильнув друг к другу, тяжело дыша — то ли от недавнего сражения с волнами, то ли от чего-то внезапного, неведомого и так неожиданно нахлынувшего на них...

Вдруг наверху что-то гроыхнуло, и тут же по морю, по песку и по ним забарабанил дождь.

— Бежим... — почему-то шепотом сказала она.

— Ага, — хрипло ответил он, взял ее за руку, и они побежали.

— Промокли? — на террасе стояла Бланш. — Быстро в дом!

— Ой, наши вещи! — воскликнула кузина. — Они остались на пляже!

— Я сбегая, — он решительно двинулся к выходу.

— Я тебе сбегая! — Бланш была непреклонна. — Иди в ванную, ничего с вашими полотенцами не случится.

— Встретимся за обедом! — кузина улыбнулась ему и побежала вверх по лестнице.

Он набрал горячую ванну и сел рядом, на край, растерянно глядя перед собой. Сердце все еще бешено колотилось в груди. И пока остывала вода, он пытался понять, что с ними произошло на пляже? Почему он испытал такое жгучее желание обладать ею? Почему она не оттолкнула его? Что было бы дальше, если бы их не разлучил дождь? Какое-то безумие! Ни одного ответа на свои же вопросы он найти не смог. Тогда не смог. Сейчас он понимает, что просто гнал от себя эти мысли,

не желая принимать действительность такой, какой она была и какой остается для него. До сих пор.

Глава четвертая

Утро было ласковым и теплым. От вчерашнего дождя не осталось и следа. Он спустился к завтраку и застал за столом только отца, читавшего газету.

— Привет! А где все?

— А ты спи подольше, лентяй! — улыбнулся отец. — Они давно на пляже.

Он быстро проглотил завтрак и вышел к морю. Кузина и Бланш лежали рядом, у самой кромки воды. Судя по тому, как близко находились друг с другом их головы, он понял, что они о чем-то секретничают. Увидев, что он приближается, Бланш на полуслове прервала кузину и помахала ему рукой.

— Доброе утро! — он присел рядом. — Как вода?

— Доброе утро, — ответила Бланш, — спрашивай у своей кузины: она уже купалась.

— Вода великолепная, иди, не пожалеешь, — улыбнулась ему кузина. Он хотел было позвать ее с собой, но почему-то смутился — то ли из-за присутствия Бланш, то ли из-за того, что произошло вчера между ними. Так и не решившись предложить ей совместное купание, он с разбегу бросился в море и плавал до тех пор, пока не увидел, как Бланш встала и направилась к коттеджу. Убедившись, что она скрылась из виду, он вышел на берег и сел рядом с кузиной.

— Привет, — негромко сказал он.

— Привет, — так же негромко ответила она и тоже села, — как спал?

— Не очень, — он помолчал, а потом решился: — Хочешь поговорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru